

С. В. ДМИТРИЕВСКИЙ

Сталин

<Фрагменты>

<...>

Вчера слесари, портные, крестьяне, в лучшем случае унтер-офицеры — завтра они будут красными маршалами. И стремление этих самородков обеспечить себе возможность выдвижения и действия — вполне естественно. Этому не понимает только Троцкий, с его приверженностью к схемам, к централизации, с его чуждостью народным массам и их психологии...

<...>

По дороге он (Сталин. — *Сост.*) встретил блестящий поезд Троцкого. Сейчас, когда Сталина уже не было в Царицыне, Троцкий рисковал там показаться. Он ехал, как всегда, надменный, пышный, с сознанием величия и непогрешимости, с театральными жестами, свитой «мальчишек», запасами кожаного обмундирования и других «подарков», которыми он привык «обласкивать» армейских бойцов. Свердлов зашел к Троцкому.

«Он осторожно спрашивал меня о моих намерениях, потом предложил мне поговорить со Сталиным, который, как оказалось, возвращался в его вагоне».

Троцкий принял Сталина свысока. Сталин держал себя «подчеркнуто смиренно». Он боялся, что Троцкий рассыплет спаянную им в Царицыне ворошиловскую группу — и тем нанесет смертельный удар фронту.

— Неужели вы хотите всех их выгнать? Они хорошие ребята.

— Эти хорошие ребята, — театрально произнес Троцкий, — погубят революцию, которая не может ждать, доколе они вый-

дут из ребяческого возраста. Я хочу одного: включить Царицын в советскую Россию.

<...>

На Кронштадт были немедленно двинуты все лучшие части Красной армии. Туда был отправлен Троцкий. Но и он был растерян в эти дни, не знал, что делать, не был способен к решительным действиям. Тогда Ленин направил туда как основную силу человека, который никогда не знал растерянности и нерешительности — Сталина¹. С ним отправился Ворошилов. Общее руководство операциями было поручено Тухачевскому. Сталин не оспаривал, впрочем, первенства Троцкого. Не хотел отнимать у него сомнительные лавры подавления этого мятежа. Он предпочитал, как всегда, быть организатором карательной экспедиции, оставаясь в тени.

<...>

В начале революции тон в партии задавала «старая гвардия», старшее поколение, причем по преимуществу его интеллигентско-эмигрантская часть. Здесь наибольшую роль вначале играла небольшая, но сильная своей сплоченностью, ясностью и цельностью системы идей группа, собравшаяся вокруг Троцкого.

Это не были «ленинцы», большевики, русские революционеры. Сам Троцкий ленинской партии всегда был чуждым и враждебным человеком, всегда вел самую ожесточенную борьбу против ее идей. Его объединение с Лениным и вступление в партию в 17-м году было чисто тактическим шагом. Перед ним и Лениным на первых порах стояли общие враги и общая цель их преодоления. Конечно, участие Троцкого в Октябрьской революции было вполне искренним — и он сыграл в ней большую роль. Но дальше — и с каждым шагом все больше — пути Троцкого и Ленина расходились. При этом вокруг Троцкого подбиралась и все яснее кристаллизовалась внутри самой ленинской партии группа одинаково с ним мыслящих, одинаково с ним переродившихся под влиянием западноевропейских условий и оторвавшихся от русских, людей. По преимуществу вокруг него группировалась не русская и не азиатская часть партии. Постепенно создавалась фракция Троцкого. Эту фракцию по ее положению в партии можно определить как временно сомкнувшийся с нею отряд чистых марксистов западноевропейской складки, чистых интернационалистов и антинационалистов. Эту фракцию по ее положению в русской революции можно определить как отряд международных кондотьери² революционного дела. Они внесли в революцию много

мужества, энергии, страсти. Но с таким же успехом они могли участвовать и в революции испанцев, индусов, готтентотов.

Для Ленина разгром русских капиталистов, борьба с международными были только методом овладения русской народной душой и осуществления задач русской народной революции. И Ленин говорил и думал о мировой революции. Но она не была его единственной целью. Когда ее не получилось, Ленин несколько не пал духом, но сосредоточился на русских задачах. Россия для него стояла на первом месте. Преобразованная Россия могла в дальнейшем, окрепнув, помочь преобразованию мира.

Троцкому на Россию как таковую было наплевать. Его бог на небе был Маркс, на земле — западный пролетариат, его священной целью была западная пролетарская революция. Троцкий был и есть западный империалист наизнанку: взамен культурного западного капитализма, взорвав его, он хотел иметь культурный западный пролетарский социализм. Взамен гегемонии над миром западной буржуазии — гегемонию западного пролетариата. Лицо мира должно было измениться только в том отношении, что у власти вместо буржуазии становился пролетариат. Прочая механика должна была остаться примерно прежней: то же угнетение крестьянства, та же эксплуатация колониальных народов. Словом, это была идеология, близкая идеологии западных социалистов, и разница была одна: те не имели мужества дерзать, Троцкий дерзал; те хотели только разделять власть над миром, Троцкий хотел иметь ее целиком в руках своих и избранного класса.

Россия для Троцкого была отсталой страной, с преобладанием «подлого» земледельческого населения, поэтому сама по себе на пролетарскую революцию она не была способна. Роль хвороста, разжигающего западный костер, роль пушечного мяса западной пролетарской революции — вот роль России и ее народов. Гегемоном мирового революционного движения Россия не могла быть. Как только огонь революции перебросится на «передовые», «цивилизованные» страны, к ним перейдет и руководство. Россия вернется в свое прежнее положение отсталой страны, на задворки цивилизованной жизни, из полукolonии культурного капитала превратится в полукolonию культурного социализма, в поставщика сырья и пушечного мяса для него, в один из объектов западной пролетарской эксплуатации, которая неизбежно должна быть, ибо иначе нет возможности сохранить для западного рабочего его привилегированное положение.

В самой России Троцкий стремился утвердить безраздельное господство рабочего класса, вернее, привилегированных верхушек его. Только таким образом удастся по гнать на чуждую им борьбу тупую массу деревенских рабов. Только таким образом, организовав из русского рабочего класса касту надсмотрщиков-управителей, удастся в дальнейшем подчинить русскую деревню западному паразитическому пролетариату. Отсюда враждебное отношение Троцкого к идее «рабоче-крестьянского» государства и союза, ставка на «рабочее» государство, на полное порабощение — как политическое, так и экономическое городом — деревни. Отсюда же, в дальнейшем, идея «сверхиндустриализации» России: опять не в интересах России как таковой, но во имя быстрого создания в ней мощного рабочего класса-властителя³.

Жизнь разбивала все идеи и все планы Троцкого. Революции на Западе не происходило. Наоборот, капитализм на Западе все больше «стабилизировался». В то же самое время от русской революции все крепче начинало пахнуть мужицким, сермяжным духом. Чем дальше, тем больше русская жизнь доказывала, что далеко не все определяется пролетариатом, что он только часть народных масс, и притом не решающая часть, сколько бы об этом ни говорили демагоги. Что его роль в руках власти — роль только орудия, только моста к основным массам народа, к крестьянству, решает же судьбы страны и революции крестьянство. Поэтому «пролетарская» власть возможна только как «рабоче-крестьянская», т. е. может быть построена только на союзе рабочих и крестьян...

Под давлением разбившей их жизни Троцкий и его группа пришли в конце концов к «ликвидаторству»: русская революция потеряла для них смысл.

Очень правильно уловил их лейтмотив Сталин:

— Мы уже выполнили свою революционную миссию, проделав Октябрьскую революцию. Теперь все зависит от международной революции, ибо без предварительной победы западного пролетариата мы не можем построить социализма, а революционеру в России, строго говоря, больше нечего делать...

— Известно, — рассказывает тот же Сталин, — что в 1923 г., накануне германской революции, часть учащейся молодежи у нас готова была бросить книги и ехать в Германию. «В России революционеру нечего делать, — говорили они, — нужно бросить книги и ехать в Германию, делать революцию»⁴.

Это было влияние троцкистских идей. Но и в Германии революции не произошло. Что осталось делать, спрашивает Сталин, нашим «ужасным революционерам»? — «Лишь одно: вертеться на холостом ходу, отдаться воле стихии и помаленьку пере родиться в обычных буржуазных демократах». Ничего другого не оставалось. И Троцкий, и жалкие остатки его группы постепенно стали свертывать революционные знамена вообще и сползать к идеалу единоутробных им меньшевиков, к социал-буржуазной олигархии.

Вся система идей Троцкого, как и люди, ее отстаивавшие, были глубоко чужды и глубоко враждебны русскому народному сознанию. Русский народ в революцию осознал свою силу. И его революционные слои не хотели и не могли терпеть в своей среде выкидышей антинационально-марксистской, унижавшей его выросшую за годы революции национальную гордость мысли. Вот почему шедшая за Троцким часть европеизированной старой гвардии, несмотря на все свои заслуги на первых этапах революции, нашла резчайший отпор в народных массах — и была свалена народными слоями ленинской партии, «большевиками», «ленинцами». Шедшая было одно время за Троцким часть молодежи скоро от него отшатнулась. Лишь самые незначительные группки молодежи, по преимуществу не русской, продолжали пережевывать его идеи. Так Троцкий был отброшен от власти.

<...>

Корни вражды (Сталина и Троцкого. — *Сост.*) были, конечно, гораздо глубже: в разнице мировоззрения, психологии. Но то, что Сталин попробовал вначале заключить блок именно с Троцким, вполне вероятно и понятно. Троцкий психологически, по активно-революционному складу своей натуры, был для Сталина все-таки гораздо более естественным союзником, чем термидорианское, контрреволюционное болото. К тому же Сталин вовсе, вероятно, не думал долго идти одним путем с Троцким. Он хотел только заключить с ним временный союз, им побить «болото», а затем перехитрить и уничтожить его самого.

<...>

